

МАРГО АРНЕЛЛ

БАЮНДИНКА
ВНЕ ЗАКОНА
ИЛИ
ВЕДЬМА И ИНКВИЗИТОР

Марго Арнелл

Блондинка вне закона.

Ведьма и инквизитор

<https://litres.ru/74433047>

SelfPub; 2026

Аннотация

После неудачного ритуала я, ведьма, вынуждена жить под одной крышей с инквизитором!

Он деспотичный, непреклонный и ненавидит темных ведьм. В особенности - таких бедовых и своенравных, как я. Но хуже вынужденного союза с несносным святошей могут только пробудившиеся к нему чувства.

Ведьма и инквизитор вместе? Жди беды!

Содержание

1. Несостоявшийся триумф	4
2. Слишком близкое знакомство	11
3. Орден Чистоты	16
4. Золотые нити	24
5. Судьба ведьмы	32
6. Патриарх	37
7. В ловушке	44
8. Иллюзия свободы	49
9. Маркус де ла Торре	54
10. Вызов	62
11. Шаг в новую жизнь	68
12. Ночь с врагом	74
13. Горькая месть	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Марго Арнелл

Блондинка вне закона.

Ведьма и инквизитор

1. Несостоявшийся триумф

Сегодняшний ритуал должен был стать моим триумфом и главной проверкой моих способностей. Удивлена ли я, что все пошло не по плану?

Нет. Определенно нет.

Начиналось все неплохо. Я подготовилась настолько, насколько это возможно. Подбирала образ так тщательно, как будто собиралась взойти на импровизированную сцену.

Белые, с легким золотистым сиянием волосы распустила по плечам. Стройное тело облачила в кружевное черное платье, обнажающее плечи. Потуже затянула корсет, шею прикрыла бархоткой с черным опалом. Губы подвела рубиновой помадой, в густых сумерках принявшей цвет неба над моей головой.

И пускай во время ритуала меня не видел никто, кроме Владычицы Ночи, к которой я и собиралась взывать. Но и перед ее ликом я хотела выглядеть достойной. Кроме того, потом мне еще мчаться по улицам города, чтобы рассказать

отцу о своем триумфе. А когда я хотела чувствовать себя на коне, я... наряжалась.

Воззвание я повторила накануне бесчисленное множество раз, хорошенько выпалась и вкусно поела (что, согласитесь, не бывает лишним никогда).

И вот все приготовления, наконец, были завершены.

Я стояла на кладбище. А где еще находиться темной ведьме ночью в ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ? Но шутки в сторону. Не было ничего важнее этого ритуала. Он должен быть доказать мою значимость и готовность наследовать семейное дело.

Вся моя жизнь, все эти долгие годы обучения вели к этому моменту.

Эффектным жестом я откинула волосы на спину. Чуть приподняла руки и сосредоточилась, стоя над раскуроченной нанятым стихийником могилой.

Сила текла из моих ладоней. Энергия жизни и смерти, льющаяся из меня в землю, была едва заметной, призрачно-голубой. Я прикрыла глаза, чтобы слиться с ней, чтобы отдать всю себя одному-единственному намерению.

Поднять бедолагу по имени Джейкоб Деркос из мертвых.

Когда крышка гроба резко распахнулась, я восторженно взвизгнула. Соглашусь, не слишком достойное поведение для серьезной двадцатилетней ведьмы, но меня можно понять. Все получилось!

А потом я услышала тихий шепот и... ощутила Ее присутствие. Владычица Ночи стояла сейчас здесь, вместе со мной.

Ее сила билась в моем сердце и сверкала на моих ладонях.

Тогда-то это и произошло. Что-то словно вспыхнуло внутри меня. Жаркое, темное пламя опалило мои вены изнутри. Призрачно-голубая энергия стала ослепительно яркой. Сила — яростная, неукротимая — хлынула из меня.

Это больше не было плавным течением дара. Это был бурлящий поток, которого никому уже не остановить.

Я не просила стихийника разрывать другие могилы — мне бы поднять хоть одного... Но пробудившиеся мертвецы явно имели свое собственное видение ситуации. То тут, то там раздавались глухие стуки. А кому понравится обнаружить себя запертым в деревянном ящике? Я бы на их месте тоже возмутилась.

В некоторых местах и вовсе заворочалась земля — особенно упорные, преодолев одну преграду, взялись за преодоление другой.

Теперь энергия, текущая через меня, заливала собой все кладбище. И его обитатели начали восставать один за другим.

— Ой-ей.

Если бы у меня было время, я бы придумала что-нибудь получше. Вскоре, впрочем, я не могла думать вовсе. Сила продолжала выплескиваться из меня и я боялась... Богиня сохрани, на что она способна? На что способна я?!

Не знаю, как долго это продолжалось. Как мне показалось, целую вечность. Однако небо над моей головой если и

посветлело, то едва-едва. Вокруг меня толпились мертвые. Много мертвых.

А затем пространство кладбища в паре шагов от меня озабрилось ярчайшей вспышкой. Мгновение назад там не было никого, но теперь...

Теперь там стоял он. Высокий незнакомец в строгом белоснежном мундире с золотыми деталями и бело-золотым плащом, прикрывающим лишь спину и плечи. Я была слишком ошеломлена произошедшим, чтобы сообразить, что к чему. Но при этом отчего-то смогла разглядеть почти каждую черточку его красивого, но будто бы выточенного из камня лица.

Возможно, потому, что их заливал свет, окружающий незнакомца слепящим ореолом.

В этот миг я наконец очнулась.

Свет... Черт-черт-черт! Это же...

— Немедленно прекрати это, ведьма! — отчеканил он.

Инквизитор, кто же еще. Церковник. Страж света и чистоты.

Они всегда появлялись из ниоткуда в круге света, своими длинными носами чуя любое темное колдовство, словно бесшерстные ищейки. Хотя у этого инквизитора нос был очень даже ничего — аккуратный и прямой. Волосы тоже приковывали взгляд — густые, темно-русые, элегантно зачесанные назад. А эта щетина на мужественном подбородке, окружающая чувственные губы...

Я дернулась. Во имя Владычицы Ночи, о чем я только ду-

маю?! Кажется, что-то повредило не только мой дар, но и мой рассудок.

К слову о даре...

— Думаешь, если бы я могла прекратить, я бы этого не сделала? — огрызнулась я.

Меня уже трясло — приближалось истощение, знакомое каждому магу, который переборщил с вложенной в заклинание силой.

Церковник, кажется, немного растерялся. Вот и поделом ему. К сожалению, он быстро совладал с собой. Что значит — начал болтать.

— Ты, ведьма, и не можешь взять контроль над своей силой? Ты что, самоучка? — с отчетливым презрением спросил он. — Из тех, что дорываются до священных трактатов и творят... хаос?

Я помрачнела. Когда инквизитор молчал, он нравился мне куда больше. А еще у меня складывалось ощущение, что он хотел сказать “всякую дичь”, но удержался.

— Меня учили, — сквозь стиснутые зубы процедила я. — Но что-то... пошло не так.

Признаться в этом было не так-то просто. Особенно незнакомому мужчине с таким чопорным и высокомерным лицом. Особенно такой, как я. Скажем так... гордость и чувство собственного достоинства мне не чужды.

Инквизитор наконец перестал тратить время на слова и начал действовать. Выбросил вперед руку, затянутую в бе-

лую перчатку. Вспышка, сорвавшаяся с его пальцев заключила меня в полупрозрачный кокон. Сила перестала литься из меня, но теперь... Она всюду меня окружала.

— Что это за чертовщина?

— “Кокон тишины”, — хмуро сказал церковник. — Он лишит тебя возможности призывать магию.

Так они, должно быть, и ловили перешагнувших черту ведьм. Прелестно. Теперь я стала одной из них.

Магический кокон стал сужаться. Теперь его едва заметное свечение мягко обвивало мое тело, струилось по коже. Бурный поток внутри меня угас.

Шепот Владычицы Ночи — тоже.

Церковник протолкнулся ко мне, с брезгливой гримасой отталкивая от себя мертвецов. Они напоминали жутковатых, но беспомощных кукол. Смотрели вперед безо всякого выражения и без толики разума в глазах.

— Идем со мной, — властным, не терпящим возражения тоном сказал он.

— Вот еще, — фыркнула я.

Инквизитор нетерпеливо рыкнул и схватил меня за локоть. Я попыталась вырвать руку, но хватка у него была стальной. Их в ордене что, заставляют отжиматься на пальцах?

Он устремился вперед, словно пущенная в цель стальная стрела. У него, высоченного, и ноги были соответствующие. Шаг твердый, широкий, порывистый. Я же была ниже него

на целую голову, да еще и путалась в юбках — одной руки, чтобы подхватить их, было недостаточно.

— Куда ты меня ведешь?

— А как ты думаешь? Ты только что на моих глазах подняла целое кладбище!

— Куда. Ты. Меня. Ведешь? — процедила я.

Церковник нахмурился, продолжая тащить меня за собой.

— В тюрьму. Тебя ждет допрос, а затем суд.

Я замерла лишь на миг. Затем, за неимением магии и преимущества в физической силе, познакомила нахального инквизитора с еще одной стороной моей разноплановой натуры.

Той, что имела длинные ногти... и умела больно царапать и кусать.

2. Слишком близкое знакомство

— Святая Ираэль! — возопил инквизитор.

Я с удовлетворением отметила длинные полосы, которые спускались по его щеке и терялись за воротником, богато украшенным золотой вышивкой. Каким-то образом мои ноготки смогли забраться даже туда. Каким, не спрашивайте. Просто я очень способная.

И иногда, когда злюсь, полностью теряю над собой контроль.

Однако главное мое достижение — слегка пожеванное ухо церковника и четкий отпечаток от зубов на его щеке. Сдается мне, *так* женщины никогда его не касались.

Долго любоваться плодами своих рук я не стала. Что было сил, оттолкнула инквизитора и помчалась вперед.

— Проклятая дикарка! — донеслось мне вслед.

У меня на уме вертелся с десятков куда более удачных оскорблений. Но я призвала на помощь всю свою волю и оставила их при себе. Нужно экономить дыхание — бежать с кладбища до дома мне еще дол...

Дьявол тебя заberi!

Пространство впереди прорезала вспышка света, и инквизитор появился прямо передо мной. Из-за того, что он какое-то время пытался тащить меня за собой, словно поклажу, я успела забыть об этой его “чудесной” способности.

Среагировать я не успела и со всей силы налетела на него. На мгновение мои ладони легли на его грудь. Даже под плотным мундиром легко почувствовать, какой крепкой и натренированной она была. Но я бы никогда не простила себе, если бы в решающий момент позволила себе отвлечься на мысли о незнакомце.

Миг наваждения рассеялся, и я бросилась в сторону. Он схватил меня за руку. Ткань платья предательски затрещала.

“Умоляю тебя, держись!” — мысленно взмолилась я.

И ничего смешного, это мое любимое платье!

Я порывисто развернулась и принялась колотить инквизитора по плечу. Насколько это было возможно. А потом и вообще вонзила острые ногти в его ладонь. Он охнул и от неожиданности отпустил меня.

Мир замедлился. Я чувствовала, как падаю назад. По инерции схватилась за него и... потянула за собой.

Для инквизитора, которого, судя по всему, учили не только их дурацким обрядам, но и боевым искусствам и поддержанию физической формы, он споткнулся уж больно неловко. Оправдывало его лишь то, что споткнулся он об меня.

Моя спина столкнулась с твердой и холодной кладбищенской землей. И это совсем не то прикосновение, которое может вызвать на лице улыбку. Я взвыла от боли. Хуже всего то, что, запутавшись в юбках, я, кажется, подвернула лодыжку.

Нет, отменяю вышесказанное. Хуже всего то, что инквизитор стремительно падал на меня.

В последний момент он каким-то неведомым образом сумел выставить руки по обеим сторонам от моей головы. Да так и замер, нависая надо мной. И все равно его тело было слишком близко от моего. У меня перехватило дыхание.

Он тоже словно окаменел. Сжав челюсти, изучал мое лицо. Они оказались неожиданно светлыми, но скорее серыми, чем голубыми. Я моргнула, когда его взгляд задержался на моих губах. А это еще как понимать?

— Ты что себе позволяешь? — возмутилась я. Бушевавший внутри гнев вылился в сдавленный писк, но и на том спасибо. — Я приличная девушка!

— Ты неприличная ведьма.

— Неприлично красивая? Оу, спасибо. Но не стоило из-за этого на меня набрасываться.

— Я не то имел... — Он поморщился, обрывая себя на полуслове. — Я не набрасывался!

— Если учесть, что ты практически лежишь на мне, твоё отрицание звучит беспомощно. — Несмотря на стихающую боль в спине и пульсирующую — в лодыжке, я широко, издевательски улыбнулась. — Господин инквизитор, еще немного, и вам придется на мне жениться.

Он подскочил, как ужаленный. Просто оттолкнулся от земли, будто спружинив. Да, его форма совсем неплоха. Но она вместе с красотой лица — его единственное достоинство.

Инквизитор рывком придал мне вертикальное положение.

ние. Слишком стремительно, чтобы я смогла перенести вес на здоровую ногу. Должно быть, на моем лице появилась гримаса боли, потому что он нахмурился пуще прежнего.

— Что с тобой?

— Ничего, — соврала я. — И если не будешь меня тащить, как куль с мукой, со мной будет все в порядке.

Церковники не стремились самолично вершить суд над преступившими закон ведьмами. Все делалось точно в соответствии с буквой закона. Поэтому он должен был доставить меня до суда целой и невредимой.

Со вторым, правда, вышла осечка. Справедливости ради, и он был неплохо потрепан. Что, к слову, может выйти мне боком, если я не сумею сбежать.

Ведьмы, колдуны и волшебники тоже обязаны действовать в рамках закона. Я нарушила его трижды: когда отправилась поднимать из могилы Джейкоба Деркоса, не поставив в известность ни церковь, ни Ковен, ни Конклав, когда нечаянно воскресила половину кладбища...

И когда напала на верного служителя церкви. Хуже того — инквизитора.

Раздражающий объект моих мыслей негромко что-то проговорил, и мои запястья оплела бледно-золотистая нить. Ее конец он держал в руке.

— Может, еще наденешь на меня ошейник? — вспыхнула я, оскорбленная до глубины души.

— Еще немного — и точно надену, — мрачно пообещал

церковник.

Показательно дернул за сверкающую нить, и меня потянуло к нему. Совсем не в том смысле, как в момент, когда он нависал надо мной. А в куда более буквальном и унижительном.

Владычица Ночи... За что ты наказываешь меня?

3. Орден Чистоты

Не хромать и держать лицо удавалось только первые несколько шагов.

Потом я начала предательски припадать на здоровую ногу и болезненно морщиться. Какое-то время инквизитор, идущий впереди, этого не замечал. Потом оглянулся. Один раз, другой. Складка меж его бровей стала глубже.

— Что с твоей ногой?

— А с твоей? — парировала я.

Он моргнул.

— Я, в отличие от тебя, не хромаю.

Я мучительно пыталась придумать, что сказать в ответ. Увы, из-за магического опустошения, усталости и боли ничего путного не придумывалось. Если честно, больше всего на свете мне просто хотелось лечь и лежать. Даже сырая кладбищенская земля уже не казалась плохим выбором места для сна.

Особенно если учесть маячившие передо мной перспективы...

Но я не могла позволить себе быть еще более слабой в глазах инквизитора. И тем более — в своих собственных.

Потому, показательно вздернув подбородок, направилась вперед. Пожалуй, не слишком грациозно. Если уж совсем откровенно — еще немного, и я буду ковылять, как беспомощ-

ная старушка! От моей кошачьей грации не осталось и следа...

— Святая Ираэль... — пробормотал инквизитор.

В глазах застыло выражение “И за что мне все это”, но, насколько мне известно, церковников учат сносить страдания молча и не выказывая своих чувств.

Потому он ничего не сказал. Просто подхватил меня на руки.

Вы должны знать — я пыталась вырваться. Но проклятый инквизитор как-то хитро потянул за нить, и сделал так, чтобы мои руки обнимали его за шею. Явно не потому, что кладбище навевало на него романтическое настроение и ему вдруг отчаянно захотелось объятий. Полагаю, для того, чтобы я не свалилась на землю (снова!), как тот самый куль с мукой.

Я попыталась куснуть его за шею, но он очень мрачно предупредил:

— Еще один укус или царапина, и я запеленую тебя с головы до ног, как мумию.

Перспектива не радовала, поэтому я затихла.

Когда проклятый святоша со мной на руках покинул кладбище и шагнул на улицы Валендора, я и вовсе уткнулась в его шею. И да, от романтических настроений я тоже была далека. Просто не могла позволить, чтобы припозднившиеся горожане увидели меня, Малисенту де ла Торре, на руках у инквизитора.

Они знали меня, но, прежде всего, они знали моего отца. Я и без того опозорила его, попавшись инквизиции и не доведя задуманное до конца. А задуманным было привести к отцу Джейкоба Деркоса и сделать его еще одним мертвым слугой фамильного особняка Де ла Торре.

Все, что мне оставалось — напряженно прислушиваться к тому, что происходило вокруг и пытаться улучшить подходящий момент для побега. Вот бы только где-нибудь неподалеку завязалась стычка, которая бы отвлекла инквизитора! А они между членами Ковена и Конклава происходили постоянно.

Но увы, я слышала лишь обычные звуки ночи, которая сыростью и дымом дышала мне в лицо. Где-то вдали цокали копыта — наверное, запоздалый курьер скакал с донесениями для графа. По мостовой с лязгом проехал дилижанс. Колеса грохотали по неровным камням, а кучер хрипло кричал что-то лошадям.

Из-за угла доносился хохот: вероятно, пьяная компания вывалилась из таверны, распевая похабные куплеты. Где-то выше, на крыше, шуршали чьи-то быстрые шаги — то ли крыса, то ли вор, крадущийся по черепице.

Однако самыми раздражающими были шаги самого святоши — четкие, чеканные, и это несмотря на его ношу! Я, конечно, девушка изящная, но все же не невесомая.

Он вдруг издал странный звук. Если бы я не имела дело с суровым инквизитором, решила бы, что это... сдавленное

хихиканье.

— Что? — буркнула я.

— Щекотно.

Отстранившись настолько, насколько позволяли руки, сцепленные за шеей инквизитора, я изумленно посмотрела на него.

— Серьезно?!

— Ты очень активно дышишь, — не сбавляя шаг, заметил он.

— А тебе бы, конечно, хотелось, чтобы я не дышала вообще, — тут же взъярилась я. — Хорошая ведьма — мертвая ведьма, да?

Грудь инквизитора под моим телом раздалась вширь, словно он набрал полные легкие воздуха. Я ожидала услышать тяжелый, мученический вздох, но его не последовало.

Знаю, это совершенно по-ребячески, но чем лучше проклятый святоша держал себя в руках, тем сильнее мне хотелось вывести его из равновесия. Что если высунуть самый кончик языка и коснуться этой крепкой, загорелой шеи?

Нет, это уже слишком. Даже для меня.

Потому я просто уткнулась носом в его ключицу и шумно задышала.

— А ну прекрати, — строго велел он.

— А то что?

— А то понесу тебя на закорках.

И тогда весь Валендор увидит мое лицо во всей красе.

Нет, спасибо.

— Или, еще лучше, переброшу тебя через спину, как мешок.

— Вот еще!

— Тогда дыши потише!

Мне это чудится, или наш нестигаемый инквизитор повысил голос на полтона? Неужели понемногу терял самообладание?

К сожалению, выяснить это я не успела. Еще пара десятков шагов, и перед нами выросла громада резиденции Ордена Чистоты. Ту, что чаще предпочитали называть инквизицией.

Обостренная ведьминская интуиция позволила мне почувствовать это еще до того, как святоша вошел в здание. Я оторвалась от его ключицы и, повернув голову, мрачно посмотрела вперед.

Луна висела над городом, как бледный, холодный глаз. Ее свет стекал по стенам цитадели, превращая белый камень в серебристо-костяную гладь. Башни — острые, как клинки, — вздымались к небу, будто намереваясь пронзить саму луну. Ни вычурных узоров, ни статуй, ни украшений, исключительно строгие линии. Эдакая геометрия власти. Узкие и высокие окна больше напоминали бойницы. Сквозь них пробивался тусклый свет факелов, но он не согревал — лишь подчеркивал холод камня.

Главные ворота, черные на фоне светлых стен, были за-

крыты. Над ними висел символ Ордена — золотое пламя в круге, отбрасывающее длинные тени. Даже в ночи оно казалось ослепительным.

От здания веяло тишиной. Не мирной — а той, что бывает перед бурей. Такой, что заставляет кожу покрываться мурашками. За этими стенами хранились тайны, которые лучше не тревожить.

Здесь допрашивают. Здесь судят. Здесь разжигают очистительные костры.

Мое прегрешение было не столь серьезным, потому что не включало в себя чужую смерть. И все же мне стало не по себе.

Лунный свет скользил по стенам, и на мгновение мне показалось, что здание дышит. Не как каменный голем — пугающее, но вполне безобидное создание. А как безжалостный исполинский палач.

Со мной на руках иквизитор прошел через массивные дубовые двери. Я впервые увидела изнанку Ордена Чистоты.

Сначала — широкие, прямые коридоры, залитые холодным светом. Белокаменные стены украшали знамена с золотыми крестами и выцветшие фрески, изображающие всевозможные этапы победы над ересью, темными магическими искусстваами, ведьмами и колдунами. Здесь все дышало порядком и властью.

В это время суток членов Ордена здесь было не так уж мало. Их взгляды впивались в меня, словно шипы. Темнобо-

родый брат остановился, скрестив руки и пронзая меня ледяным взглядом. Судя по скромному облачению, потрепанному хабериту, то есть просторной серой рясе с капюшоном, он не был инквизитором, лишь кем-то вроде послушника. Мальчика на побегушках.

И уже ненавидел ведьм. Вот так сюрприз!

Две женщины в белых одеждах шептались у ниши со статуей Святой Ираэль, но замолчали, когда инквизитор прошел мимо. Одна из них — с тонкими губами и шрамом через бровь — сжала кулаки, будто я уже была приговорена и осуждена.

Чем дальше мы шли, тем уже становились проходы. Широкие ступени сменились винтовой лестницей, уходящей вглубь, в полумрак. Воздух стал тяжелее. Он пропитался запахом сырости, дыма и чего-то едкого — возможно, святого масла или... крови?

Темница...

Факелы горели неровно, отбрасывая дрожащие тени на стены. Эхо чеканных шагов разносилось по коридору, смешиваясь с далекими возгласами и лязгом цепей. Время от времени сквозь решетки дверей в меня впивались чужие глаза — пустые, как у мертвецов, полные надежды или вовсе безумные.

Увы, для тех, кто практиковал темные искусства, безумие — нередкий приговор.

На пути инквизитора встретился еще один брат Ордена

Чистоты. В свете факелов его волосы были невозможно рыжими. Казалось, они буквально пылали. Изумленный взгляд скользил по исцарапанному лицу моего пленителя... и по метке на его щеке.

— Молчи, — мрачно предупредил инквизитор.

— Август... Она что, тебя покусала? — хохотнул его товарищ.

Август, значит? Ужасное имя. Такое же холодное и чопорное, как и он сам.

— Я сказал молчи.

Восторженный смех рыжеволосого звучал до тех самых пор, пока проклятый святоша не остановился перед железной дверью с заржавевшими петлями.

Проклятье.

Я до последнего верила, что сумею повернуть ситуацию в свою пользу. Самонадеянно, правда? И все же...

Август внес меня в темницу, поставил на пол и, не говоря больше ни слова, вышел. Только тогда нить, оплетающая мои руки, померкла.

Дверь за ним с оглушительным грохотом захлопнулась.

4. Золотые нити

— Что, даже не попрощаешься? — крикнула я Августу через дверь. — И это после всего, что между нами было?

Ответом мне была тишина. Вот ведь грубиян!

Темницу, в которую меня бросили, в излишке роскоши упрекнуть было сложно. Это был узкий каменный мешок со стальной (и я подозреваю, покрытой чарами) дверью и широкой скамьей, которая, вероятно, была призвана заменить мне лежанку.

Я с тоской вспомнила свою кровать в отцовском доме — широкую, мягкую, уютную. Да и сам фамильный особняк сейчас казался попросту недостижимой мечтой. Высокие витражи в библиотеке, пылающий камин в главном зале, светлые учебные комнаты...

В кабинете отца всегда, сколько себя помню, пахло старыми книгами, чернилами и благовониями. Там, среди хрустальных флаконов и позолоченных астрольбий, он проводил долгие часы за изучением магической науки. Там же с самого детства любила находиться и я. А мой будуар... Боги, мой будуар с балконом, увитым розами, откуда я каждое утро смотрела, как туман поднимается над садом! Как мне его сейчас не хватало!

Вздохнув, я открыла глаза. Ностальгией делу не поможешь.

“Кокон тишины” по-прежнему прочно оплетал мое тело. Я убедилась в этом, когда попыталась призвать простейшие чары базовой магии. Ничего. Пустота. Треклятая тишина.

Когда, если не сейчас, попытаться во всем разобраться? Что же все-таки, скажите мне на милость, со мной произошло?

Я воскресила в памяти каждый элемент ритуала. Я очертила круг солью вокруг разрытой могилы, расставила по краям семь черных свечей и призвала на помощь магию. Свечи зажглись бледно-серебристым пламенем, украденным у лунной луны.

На земле у могилы я начертила печать Врат Мертвых. Прямо на нее поставила чашу с кровью ворона — проводника между мирами. И нет, я, пусть и ведьма, но не злодейка и не мучительница. И вообще животные мне дороже многих людей. Почти всех людей, если быть точной.

Так что всего пару капель своей крови мне добровольно пожертвовал Моррван — фамилльяр семьи Де ла Торре. Ворон, как вы, наверное, догадались.

Я вспоминала каждое слово воззвания к Владычице Ночи, посланный в землю импульс... Нет, я определенно все сделала правильно.

Тогда почему моя сила словно сошла с ума? Почему напоминала воду, хлынувшую из прорванной плотины? И этот вкрадчивый шепот в моей голове...

Я могла поклясться — он принадлежал Владычице Ночи.

И она стояла за моей спиной. Но как это возможно? Почему... я? Я ведь еще даже не была полноценной ведьмой и не была призвана в Ковен...

Моя сила проявлялась медленно и будто бы неохотно. И отец, и я подозревали, в чем тут дело, но... Я была намерена доказать, что достойна.

И, несмотря ни на что, у меня еще будет шанс. Ведь одного мертвого (а с ним за компанию еще дюжину других) я все же подняла.

Не знаю, как много времени прошло, прежде чем я забылась беспокойным сном. Среди нас, ведьм и колдунов, немало полуночников — самые интересные ритуалы творятся после заката. Особенно те, что касаются мертвых.

Так что рассвет для меня — обычное время для сна. Вот только после всего случившегося на кладбище я едва стояла на ногах.

Разбудила меня скрипнувшая дверь темницы. Я тут же подобралась на своем каменном ложе, словно кошка. Разве что не выгибала спину и не шипела. Но готовилась, если будет нужно, снова пустить в дело зубы и когти.

Однако вошедшим был не Август. Значит, меня еще не собирались вести на суд. Пусть и временная, но все же отсрочка. А с ней — шанс придумать, как сбежать или дать знать о случившемся папе.

В проеме возникла девушка в белых одеждах Ордена Чистоты — невысокая, миниатюрная, с собранными в низкий хвост светлыми волосами. Чуть темнее моих — скорее песочными, нежели блондинистыми. На ее лице читалась профессиональная отрешенность. В руках она держала небольшой деревянный ларец.

Она чем-то напоминала мне мою лучшую подругу Адаль. Вообще-то родители назвали ее жутко древним именем Адальхейдис, которое означало “доброта” и “благородство”. Не буду спорить, оно изумительно характеризовало мою подругу. Однако не знаю ни одного человека, кто называл бы ее полным именем. Включая меня.

Я бы и вовсе предпочла именовать ее Адой. Но в первый и последний раз, когда я попыталась это провернуть, Адаль предупредила, что наша потенциальная многолетняя дружба висит на волоске.

Сестра Ордена Чистоты замерла в шаге от меня.

— Брат Август велел осмотреть твою ногу.

— Как мило с его стороны, — проворчала я, откинувшись на каменную стену.

— И впрямь, — согласилась она.

Я вздохнула. Не люблю, когда люди не понимают ехидства и сарказма. Возникает ощущение даром потраченного времени. Как, например, от необходимости десять раз на дню говорить “Адальхейдис”.

— Нет, спасибо. Не доверяю я этим вашим фокусам.

Вдруг вы завербуете меня? Или выжжете во мне темную силу?

Сестра недоверчиво уставилась на меня.

— По-твоему, мы в ордене занимаемся этим?

Я пожала плечами.

— Кто ж вас знает.

— Тебе помощь нужна или нет? — Судя по всему, она начала терять терпение.

Из моей груди вырвался тяжелый вздох.

— Нужна, — буркнула я. Но все же не удержалась. — А ты не боишься подходить так близко к ведьме? Вдруг я тебя в жабу превращу?

Губы сестры сжались, но она лишь молча опустила на колени перед каменной койкой. Стянула с моей ноги ботиночек с изящным каблучком. И сделала это, надо сказать, достаточно осторожно.

Лодыжка распухла и пылала тупой болью. Сестра нахмурилась, прикоснулась пальцами к покрасневшей коже, и я едва сдержала вскрик.

— Ты хоть знаешь, как это делается? — спросила я сквозь зубы. — Или решила потренироваться на мне, как на кролике?

Или на ком там тренируются целители и врачи?

— Помолчи, — поморщилась она, открывая ларец.

Внутри лежали свертки с травами, какие-то колбочки и пузырьки с маслом, от которого даже в затхлом воздухе тем-

ницы повеяло ароматом летнего луга.

Сестра налила масло на ладони, растерла и положила руки мне на лодыжку. Я боялась, что сестра начнет растирать и ее, но этого, к счастью, не случилось.

— Дыши ровно. И не дергайся.

— Это вы говорите тем, кого пытаете?

О подобных методах перевоспитания ведьм и выуживании из них ценной информации в Ковене ходило множество слухов. Полагаю, большая часть была приукрашена и преувеличена, но кто знает, кто знает...

На миг показалось, что сестра закатила глаза. Но стоило моргнуть, и ее лицо приняло привычное отстраненное выражение. Ну ничем их не проймешь. Так неинтересно!

Я хотела отпустить еще одну колкость, но в этот момент сестра зашептала что-то, и к моей лодыжке устремились тонкие золотые нити силы.

Тепло разлилось под кожей, словно тягучая, подогретая солнцем патока. Я зажмурилась, едва не мурлыча. Не то чтобы целительная магия мне нравилась — слишком уж она пахла праведностью и святостью. Но все же приятно, когда боль отступает под натиском магического тепла.

— А у тебя неплохо получается, — вынуждена была признать я.

Поверьте мне, направо и налево комплименты я не раздаю. А может, во мне просто говорило облегчение.

Сестра не ответила. Ее брови были сдвинуты, губы плотно

сжаты. Узнаю эту гримасу предельной концентрации. Золотые нити, исходящие от ее пальцев, вплетались в мою плоть, стягивая разорванные ткани, успокаивая воспаление.

— Готово, — сухо сказала она, убирая руки.

Я согнула ногу. Ни отека, ни боли. Только остаточное тепло, будто после долгой ванны.

— М-м-м... Спасибо?

Поймите меня правильно — я была благодарна незнакомке за помощь. Но она — сестра ордена, который горит желанием если не казнить меня, то наказать. И вообще я в темнице.

Поэтому благодарность получилась с легким оттенком неуверенности.

Сестра поднялась с колен и вытерла руки о ткань своего скромного белого платья. Будто стирала с них следы моей скверны.

— Это был долг. Не более.

— Ну да, конечно, — усмехнулась я. — Эта ваша Ираэль не велит обрекать на страдания даже нечестивых... вроде меня. Какое благородство...

В глазах сестры вспыхнул гнев. Она держала себя в руках куда хуже Августа.

— Никогда не говори о Святой Ираэль... так пренебрежительно!

— Я предпочла бы вообще никогда о ней не говорить. — Я склонила голову набок. — Да славится Владычица Ночь!

Сестра подалась вперед с лицом, искаженным гримасой ярости. Почудилось, что она вот-вот вцепится мне в волосы. Я смотрела на нее с любопытством. С одной стороны, драка с сестрой Ордена Чистоты вряд ли добавит плюсов — особенно в моем и без того непростом положении. С другой — она меня развлечет. Да и к тому же всегда можно сказать, что начала ее не я.

Поверят ли мне — другой вопрос. Но как уныла наша жизнь без риска!

Однако сестра усилием воли сумела вернуть себе самообладание. Отвернувшись и направилась к двери.

— Поправляйся. Скоро тебя ждет суд.

Дверь захлопнулась.

Ох, ну спасибо, все настроение испортила. Вот и будь после этого вежливой с людьми!

Впрочем, настоящее наказание ждало меня уже на следующий день. В мою темницу пришел Август.

5. Судьба ведьмы

Август облокотился о стену рядом с дверью и высоты своего роста смотрел на меня, сидящую на каменном ложе.

— Вставай, — приказал он.

— О, как я скучала по твоему ласковому голосу! Что, жить без меня не можешь?

Август не удостоил меня ответом, лишь продолжил выжидающе смотреть перед собой. Этот чурбан портил мне все веселье!

— Никогда не видел сестру Элинор такой взбешенной, — скрестив руки на груди, вдруг сказал он. — Что ты успела натворить, дикая кошка в человеческом обличье?

— Эй, попрошу, — возмутилась я. Хотя это скорее льстило, чем обижало. — Я не царапалась, если ты об этом. И не кусалась. И вообще вела себя прилично.

— Ты и “прилично”?

— О, ты даже не представляешь, насколько неприличной я могу быть, — сощурившись, вкрадчивым голосом сказала я. Показалось, или кадык Августа чуть дрогнул? — И вообще я не виновата, что ей не нравится Владычица Ночи.

— Ну конечно, — холодно обронил он. — Тебе хватило ума задеть сестру Ордена, говоря о вере. Ты хоть понимаешь, что она могла разорвать те нити, которые связали и исцелили твою ногу?

— Ага, — небрежно отозвалась я. — Мне было даже интересно, сделает ли она это. Но нет, долг оказался превыше всего.

Август покачал головой.

— Ты как птичка, которая лезет в пасть к крокодилу. Как ты вообще дожила до таких лет?

— До каких это до таких? Я свежа, юна и прекрасна.

Я с удовольствием отметила, как взгляд Августа скользнул по моему лицу и телу, как будто в поисках подтверждения моим словам. А затем кончики его ушей порозовели. Клянусь, я видела это даже в свете факелов.

Попался на мою крохотную уловку...

Оттолкнувшись от стены, Август выпрямился. Расплел руки, придавая лицу строгость и уже знакомую мне отрешенность.

Эти братья и сестры Ордена Чистоты как будто постоянно заглядывали внутрь себя, отгораживаясь от внешнего мира. Интересно, что они там видели?

Что видел Август?

Я нахмурилась. Мне нет до этого никакого дела.

— Идем, — бросил он.

— Куда? На суд?

Голос вышел хриловатым, но хотя бы не испуганным. И на том спасибо. Я не собиралась показывать святоше свой страх. Никому из его братьев и сестер. Никому во всем Валендоре.

— Нет. — Август отчего-то поморщился. — Тебя хочет видеть Патриарх Чистоты.

Патриарх? Глава ордена?!

Мой желудок словно провалился в пятки. Я чувствовала себя так, будто занесла ногу над пустотой.

Это еще хуже, чем суд. Что ему вообще от меня надо?

Отвечать Август, конечно, не спешил. Лишь накинул на мои руки знакомые бледно-золотые путы. Проклятая светлая магия... Я начинала ее уже ненавидеть.

Останавливала лишь мысль о тех нитях, что исцелили мою лодыжку, из-за чего сейчас я могла не хромать.

Ведомая Августом, я вышла в коридор подземелья. Вслед за ним направилась вперед. Мне ужасно не хотелось идти вот так, будто собачка на поводке, и я с удовольствием опередила этого нахала и пошла бы первой.

Если бы только знала дорогу.

— Что, твои братья повеселились, отлавливая тех, кого я подняла?

— У нас с тобой разное понимание веселья, — не оборачиваясь, отозвался Август.

Это уж точно.

— О, дай угадаю, вам даже пришлось обратиться к кому-то из темных магов!

Как и воскрешение, прерогатива упокоения мертвецов принадлежала нам, ведьмам и колдунам. Светлые маги могли лишь временно защититься от мертвецов. Но не лишить

их вложенной в их полые вены некротической энергии.

— Да, к господину Де ла Торре.

Слова Августа ударили меня наотмашь.

— Какие же вы сволочи, — прошипела я.

Отец услышал о моем позоре от них. Хуже всего то, что он увидел все своими глазами. Повернись все иначе, я бы нашла оправдания, смягчила бы произошедшее, а теперь...

Могущественный маг прибирает за дочкой, которая делает в ведьмовстве свои первые неуклюжие шаги. Какой стыд!

Август остановился и обернулся ко мне.

— Разве он не сильнейший колдун Валендора? Кому еще, скажи на милость, справиться с тем хаосом, который воцарился на кладбище из-за тебя?

Я стиснула зубы. Давай же, соберись. Не показывай святоше свою слабость!

— Лишнее доказательство того, как вы, святоши, зависите от нас, — вскинув подбородок, сказала я. Вкладывала толику яда в каждое слово. — Неужели эта ваша Ираэль не могла сделать вас хотя бы равными нам, а не настолько откровенно слабыми?

Август покачал головой.

— Ты определенно заслуживаешь суда и сурового наказания.

Я расслышала в его голосе... нет, не злость. Нечто другое. Неодобрение? Пожалуй, уже ближе.

В воздухе словно повисло невысказанное "Но". Или "А

не”...

Неужели суда не будет? Но как такое возможно? Одно дело, если бы церковники послали меня собственноручно исправлять содеянное. Но эту роль отдали моему отцу.

Неудивительно, конечно. О нем знал весь город. А кто такая я?

Но времени задаваться этим вопросом у меня еще, надеюсь, будет предостаточно. Сейчас куда больше меня волновал другой.

Какую судьбу мне уготовил Патриарх?

6. Патриарх

Подземная тюрьма, к моему несказанному облегчению, осталась позади. Точнее, снизу. Пусть я и темная ведьма, но я очень уважаю солнце. Особенно когда не вижу его на протяжении нескольких часов. Очень, очень долгих часов.

Меня снова встретили настороженные — или откровенно враждебные — взгляды. Под их прицелом Август провел меня в одну из башен, в святая святых Ордена Чистоты.

Кабинет Патриарха был полной противоположностью аскетичным залам ордена. Здесь царила почти театральная помпезность: резные дубовые панели на стенах, тяжелые бархатные занавеси, витражи с ликом Святой Ираэль... Потолок был расписан фресками по церковным мотивам, а по углам стояли массивные канделябры в виде воздетых к небу рук.

За огромным столом из белого дерева с золотыми углами сидел сам Патриарх.

Это был представительный мужчина лет пятидесяти с седеющими у висков темными волосами и застывшим лицом. Не красивым в привычном смысле этого слова, но определенно приковывающим к себе взгляд. Выдающийся нос с горбинкой, тяжелая челюсть, глаза под набрякшими веками. В нем чувствовалась сила. Власть. Высокомерие.

Его пальцы, украшенные перстнями с печатями ордена,

были сложены перед собой. Холодные голубые глаза словно видели насквозь мою душу. Он смотрел на меня, как на что-то неприятное, что случайно занесли в его безупречный кабинет. Темную кляксу на белоснежном мраморе. Даже сидя Патриарх умудрялся смотреть на меня свысока.

Он не понравился мне с первого взгляда. И это было взаимно.

Если в одеждах братьев присутствовали золотые нити, то наряд Патриарха был кипенно-белым. Таким белоснежным, что слепило глаза. Голову венчал золотой обруч с тонкими прутьями-лучами, расходящимися в разные стороны.

Похожим образом на картинах и гравюрах изображали саму Святую Ираэль, которую церковники и светлые маги почитали как богиню. Как мы, маги темные, — Владычицу Но-чи. Однако вместо стального обруча ее голову окружал ореол золотистой магии, напоминающей само солнце.

Серьезно, и они водрузили божественный атрибут на голову обычного, хоть и высокопоставленного, смертного? Что это, если не ересь?

Но скажи я нечто подобное, точно не избежала бы священного костра.

Разумеется, я держала язык за зубами, как бы сильно мне ни хотелось позлить Патриарха. Я могла быть дерзкой, безрассудной и временами бедовой, но откровенно глупой точно не была.

— Некромантка, — произнес он таким тоном, каким я

произнесла бы “таракан”.

Я склонила голову в преувеличенно вежливом жесте.

— К вашим услугам, Ваше Святейшество.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Тебе повезло, Мелисента де ла Торре. То, что ты устроила на кладбище, даже не поставив в известность Ковен — вне закона. Сейчас ты должна гнить в яме, ожидая сурового наказания.

Я невольно бросила короткий взгляд на Августа, застывшего рядом со мной. Кожей чувствовала исходящее от него напряжение.

“Но”?..

— Но твоя сила весьма интересна, — задумчиво пророчил Патриарх. Он поигрывал массивным перстнем, вертя его то в одну сторону, то в другую. — Как так вышло, что ты подняла полтора десятка мертвецов? Тебя даже нет в наших архивах.

Скорее всего, есть. Но лишь как безликая строчка “дочь Маркуса де ла Торре”, и все.

При этом на моего отца у церковников наверняка есть полное досье. Да, между высшими кругами магической знати нет откровенной вражды. Но “холодной войны”, недоверия и желания светлых присматривать за темными (и наоборот) никто не отменял.

— Я усердно училась, — сухо сказала я.

Правда, прежде, до той памятной ночи, не показывая

столь впечатляющих результатов.

— К тому же, вы знаете, кто мой отец и как велика его сила. Возможно, это его кровь...

— Но ты — девушка, — не выдержал Август.

Я помрачнела.

Для человека, не сведущего в магии, не знающего о ней ровным счетом ничего (если таковые вообще остались в нашем мире), это заявление могло показаться бестактным и оскорбительным.

Но я хорошо понимала, почему Август это сказал. И почему Патриарх смотрел на меня выжидающе, будто приглашая ответить на слова святоши.

Магическая сила, почти неизменно передающаяся от родителей к детям, распределялась... неравномерно. Старший ребенок отхватывал от этого пирога самый большой кусок, следующим оставались все меньшие. Если детей у мага — неважно, светлого или темного — было много, бедолаге-младшему доставались лишь жалкие крохи.

Однако было и еще одно правило. Мать-магесса могла передать своему единственному ребенку едва ли не половину магических сил, которые путем тщательных тренировок можно было развить и преумножить. Но только в том случае, если у нее рождалась дочь. Подобное было справедливо и для отца-мага и его сына.

А вот в случае с матерью-магессой и сыном, отцом-магом и дочерью мы возвращались к тем же жалким крохам. Суро-

во, не находите? Но так уж распорядилась природа.

Моей мамой была обычная женщина без капли магических сил. До сих пор не могу поверить, что мой отец любил ее так сильно, что отказался повысить свои шансы на появление одаренных детей и продолжение своего магического наследия. То есть не стал связывать свою жизнь с сильной ведьмой.

А их вокруг него крутилось предостаточно. И тогда, и — к моей досаде — теперь, после смерти мамы.

Так что по женской линии мне не могло перепасть и толики силы, по линии отца — лишь жалкие гроши. И я чувствовала это с самого детства. Злилась, упрямо пыталась переломить ситуацию, тренируясь до раннего утра, поглощая книгу за книгой, упрасывая отца научить тонкостям колдовского искусства...

Потому для меня было так важно поднять хотя бы одного-единственного мертвеца, вложив в чары буквально всю свою мощь до последней капли.

Но вышло чуть-чуть иначе. Прямо-таки чуть-чуть.

— Ладно, знаете, что? Наверное, это вышло случайно.

— Ни одна из известных мне ведьм не может “случайно” поднять половину кладбища, — заметил Патриарх.

Его голос звучал холодно, но ровно, а вот глаза опасно сузились. Он будто предупреждал меня, что я ступаю на скользкую дорожку.

А то я этого не понимала! Если меня заподозрят во лжи, я

отправлюсь в темницу в мгновение ока. Если сам Патриарх сочтет меня угрозой, я отправлюсь прямиком на костер.

Как вам такие перспективы? Мне вот не очень!

Я сжала кулаки.

— Я правда не знаю, как это произошло! Клянусь! Я сама не понимаю, откуда взялась эта сила... Может, я одна из тех аномалий, о которых пишут исследователи? Может, сила отца во мне все-таки прижалась? Просто проснулась так поздно?

А что я могла еще сказать? Что в тот момент, когда сила переполнила меня, я слышала голос Владычицы Ночи?

Церковники этого не поймут. Они признают лишь существование Святой Ираэль, а Владычицу Ночи считают выдумкой, мистификацией, фарсом.

Нет, перед ними откровенничать я не стану.

Август едва слышно фыркнул.

— Аномалия... Как самонадеянно.

Я расправила плечи.

— Если не считать себя исключительной, а покорно при-
мкнуть к серой массе, зачем вообще жить?

Патриарх остановил наши пререкания ленивым взмахом руки. И вроде бы простой жест, но он заставил Августа вытянуться по струнке.

— Ладно, с источником твоей силы мы еще разберемся. А пока... — Патриарх откинулся в кресле. — Ты будешь помогать брату Августу в одном деле.

Я резко повернулась к святоше. Тот выглядел так, будто проглотил жабу. Я попыталась не воспринимать промелькнувшее в его глазах отвращение на свой счет.

Август презирал не меня. Скорее, всех темный ведьм. Проклятый святоша.

— Но почему не мой отец?!

— Потому что это твое наказание. И оно не обсуждается. Проклятье!

В некоторых — особых, безусловно — случаях Патриарх мог самолично выносить приговор. Не мы, темные ведьмы и колдуны, придумали эти правила, но были вынуждены им подчиняться. И где тут справедливость?

Я скрипнула зубами. Не хочу обратно в темницу.

— Хорошо.

Патриарх подался вперед.

— И еще кое-что. Ты, Малисента де ла Торре, по-прежнему вне закона. Искупить свою вину ты можешь, только если доведешь дело до конца.

Я насторожилась. Что-то не нравилось мне, к чему он клонит.

— Я вынужден ограничить твою свободу — настолько, насколько это возможно. И приставить к тебе наблюдателя.

А вот теперь вполне отчетливое напряжение исходило и от Августа. Мы с ним, как ни прискорбно, в одной лодке.

— Потому с этого дня вы будете жить вместе, — припечатал Патриарх.

7. В ловушке

— Что?! — вырвалось яростное у меня. — Жить с ним?!

— Жить с ней?! — взорвался Август.

Я впервые видела его таким.

Мой крик слился с его голосом и прозвучал почти в унисон:

— ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

На губах Патриарха заиграла снисходительная улыбка. Подобная той, что могла появиться на морде матерого волка, наблюдающего за щенятами, которые резвятся в снегу. Или на губах вполне себе человеческого отца.

Вот только ничего отцовского в его ледяном взгляде не было вовсе. И мысль о волке пришла в мою голову не зря.

Улыбка Патриарха была обманчива. Под всем этим ослепительно-белым облачением и нимбом из зачарованного золота скрывался хищный зверь. Опасный, несговорчивый и не прощающий оплошностей.

— Это вполне возможно, — продолжая улыбаться (почти скалиться), заметил он. — Кроме того, это необходимо, чтобы брат Август смог эффективно играть назначенную ему роль — наблюдателя за ведьмой, преступившей закон.

Я оцепенела. Какой же все это... бред!

— Вы с ума сошли?! Я не стану жить с этим фанатиком!

Да, не слишком разумный подбор слов, если учесть, что

передо мной — сам Патриарх, глава не только Ордена Чистоты, но и всей Церкви Святой Ираэль. А ее власть в нашей стране переоценить трудно.

Патриарх побледнел от гнева, а затем начал медленно багроветь. К счастью, Август, помимо воли, пришел мне на выручку и перетянул внимание на себя.

— Я не могу жить под одной крышей с ведьмой! — Он сжал кулаки так, что костяшки побелели.

Патриарх медленно поднял бровь.

— Ты осмеливаешься спорить со своим Патриархом?

Август замер. Буквально окаменел. Я видела, как ярость борется в нем с догмами, которые вдолбляли в его голову годами. С честью. С желанием служить Ордену... несмотря ни на что.

Он задыхался от переизбытка чувств, и на какой-то миг я даже ощутила укол жалости. Но потом все прошло. Я напредила себе, что этот святоша — мой враг. Это он бросил меня в темницу.

Одновременно с этим Август прикрыл веки и сделал глубокий вдох. Его лицо разгладилось. Когда он открыл глаза снова, ничего не осталось. Ни гнева, ни возмущения. Только ровная ледяная гладь — спокойствие и подчинение.

— Нет, Ваше Святейшество.

Я презрительно фыркнула. Сказала так тихо, чтобы услышал только Август:

— Дрессированная цирковая собачка.

Он вытаращил глаза, и в них промелькнуло что-то такое... Я видела, как сильно его задела. Сильнее, чем сумела бы сделать это самым грубым, самым недостойным для истинной леди оскорблением.

Вот и хорошо. Пусть знает, каким я его вижу.

Август мог хотя бы попытаться дать Патриарху отпор! Отговорить его от этой чудовищной затеи! В конце концов, придумать другой способ наблюдать за хрупкой и безобидной (почти) темной ведьмой! Но вместо этого он просто подчинился.

И снова этот знакомый, почти вальяжный взмах униженной перстнями рукой в нашу сторону.

— Вот и славно. Вы свободны. И, Малисента... Помни — один неверный шаг, и следующим, что ты увидишь, будет очистительный костер.

Я скрежетнула зубами. Ни слова не говоря, вылетела за дверь. К счастью, длины зачарованной нити хватило, чтобы меня не притянуло обратно к Августу. Все еще напряженный, окаменевший, будто ходячая статуя, он через несколько мгновений последовал за мной.

Я стояла в коридоре, шумно дыша. Никак не могла успокоиться. Самое обидное, что те оскорбления, которые лезли в мою голову, озвучивать сейчас было нельзя. И все из-за открытой двери в кабинет Патриарха.

Думаю, меня можно понять. Мне не очень-то хотелось на костер.

Я перевела взгляд на Августа, и гнев жаркой волной поднялся изнутри. С ним я жить тоже не хотела! Это точно лучше костра? Я вот что-то уже не уверена!

— Идем, — бросил Август с непроницаемым лицом.

— Куда теперь? — неохотно расцепив зубы, процедила я.

— В дом твоего отца.

Я все-таки не удержалась от ядовитой насмешки.

— Что, будешь просить у него благословения?

Август в упор посмотрел на меня, и от его взгляда захотелось поежиться. Но я, конечно, не доставила ему такого удовольствия. С вызовом смотрела в ответ.

— Там ведь твои вещи?

Мой пыл угас. Подбородок опустился вместе с поникшими плечами. Как только я начну собирать вещи, все это станет... реальным. Не просто разговорами о том, что мне предстоит жить с церковником, невыносимой святошой и просто совершенно незнакомым мне человеком!

Это станет действием. Шагом за черту.

Мне хотелось выругаться. Хотелось броситься на святошу, который смотрел на меня с бесстрастным лицом, и выцарапать ему глаза... Ну или хотя бы сделать парочку удачных попыток и добавить к старым царапинам свежие. Чтобы жизнь медом не казалась.

Его вера, видите ли, учила сносить страдания молча и принимать жизненные испытания с достоинством! А мне что прикажете делать?

Владычица Ночи не призывала нас, ее последователей, смиренно принимать удары судьбы. Ровно наоборот. Она могла быть коварной, злопамятной и даже жестокосердной. Она прекрасно знала, что такое — месть. Как та, что подают холодной, так и порывистая, импульсивная. И с моим характером это резонировало идеально!

Но теперь я оказалась в ловушке, откуда так просто не убежать.

И все же... Я отказываюсь сдаваться. Отказываюсь лезть на рожон, глупо подставляя себя.

Я буду действовать тише и умнее. Втяну когти и буду наблюдать из теней. Буду выжидать, словно слившаяся с тьмой пантера.

И когда настанет подходящий момент, я нанесу удар.

8. Иллюзия свободы

Я шла с прямой спиной, горделиво вскинув голову. Несмотря на то, что путы по-прежнему обвивали спереди мои руки, а их конец держал в руках Август. И шла я впереди, будто указывая ему дорогу.

Взгляды горожан скользили по мне. Едкие, пытливые, пытались проникнуть под кожу. Я не позволяла — окружила всю себя прочной ментальной броней. Их насмешки и жаркое любопытство меня не заденут.

Как и мысль о том, что сегодня вечером весь Валендор, словно переполненный улей, будет гудеть от слухов обо мне. Как же, инквизитор Ордена Чистоты ведет дочку Маркуса де ла Торре на привязи, будто норовистую кобылку. Тьфу.

Да, таблички о принадлежности к роду Де ла Торре на мне не было. Но вряд ли найдется много желающих поспорить, что я обладала весьма узнаваемой внешностью. И из тюрьмы я вышла в своем привычном, хоть и весьма потрепанном облачении — длинном черном платье с кружевами и выдающимся декольте и в бархотке с драгоценными камнями.

На торжественных приемах в доме отца всегда собиралась толпа из знати. Как-никак, он был одним из важнейших и ценнейших членов Ковена — сообщества темных магов. Насколько велик шанс, что часть гостей нашего особняка сейчас устраивала променады по городу или скользила мимо в

роскошных каретах?

Велик. Весьма велик.

Я отмахнулась от этих мыслей. Но от одной все-таки не смогла.

— Обязательно держать меня связанной?

Чтобы Август расслышал мой вопрос, пришлось немного притормозить и поравняться с ним. Мое обнаженное плечо скользнуло по его предплечью, спрятанному под белым плащом с золотым узором.

Мы резко и почти одновременно отпрянули друг от друга, будто обжегшись. Расширенными глазами я смотрела на него. Кажется, кончики его ушей покраснели снова. Занятная реакция организма. Особенно если учесть, что лицо осталось почти бесстрастным.

Что, святоша, не можешь контролировать собственное тело?

Есть у меня пара мыслей, как это использовать, чтобы вывести тебя из равновесия. Так, как это умею только я.

— Обязательно, — отрезал Август.

Замечтавшись о том, какой невыносимой вскоре станет его жизнь, я и забыла, что задавала вопрос.

— Я тебе не доверяю. Патриарх поручил наблюдение за тобой мне. И я ни за что его не подведу.

О богиня. Я явственно расслышала в его голосе горделивые и благоговейные нотки. И было там что-то еще... Словно за всем этим навязанным нам союзом стояло нечто неве-

роятно важное.

— Так с чем я должна буду тебе помогать? — осведомилась я.

Теперь мы с Августом шли рядом. Приходилось подстраиваться под его широкий, стремительный шаг. Но это меньшее из моих неудобств в последние пару дней.

— Не твое дело.

Прозвучало не грубо, скорее отрешенно и холодно. Как некий факт, с которым мне надлежало смириться. В любом случае, мне это не понравилось.

— Ты в своем уме?! Как мне вообще помогать тебе в том, о чем я не имею ни малейшего представления?

— Я буду ставить перед тобой задачи, которые тебе нужно будет выполнить. Больше ничего знать тебе не нужно.

Явно подготовленная фраза. И, конечно, услышанная от Патриарха.

— Ты и шагу без него ступить не можешь, да? — фыркнула я, вложив в свои слова все презрение. — Даже чихнуть или?..

— Ради всего святого, не продолжай, — вспыхнул Август.

Я едва не хихикнула, втайне радуясь, что ледяная маска на его лице треснула.

Надолго ли? Не знаю, но предпочитаю наслаждаться моментом.

— Август, во имя Коро... Во имя твоей святой, убери эти пути! Я не могу, не могу предстать перед отцом в таком ви-

де!

— Почему? — недоуменно моргнул он. — Твой отец и так знает, что ты преступница.

— Ну спасибо, — буркнула я.

Он на ходу пожал плечами.

— Разве не ты была поймана во время проведения несанкционированного ритуала? Не ты находилась в темнице и представляла перед Патриархом?

— Ты не понимаешь! — в отчаянии воскликнула я, оставиваясь перед ним.

Он и правда ни черта не понимал. В его жизни все было логично, выверено и четко. В моей царил хаос и вечный бег навстречу собственным страстям.

Мы будто из разных миров. Нам никогда не найти общий язык.

Этот сухарь даже не мог понять, почему я не хотела, чтобы мой отец, законопослушный гражданин и высоко уважаемый маг, видел меня опутанной магическими оковами.

Вероятно, что-то было в моем лице такое, что сломило оборону Августа.

— Хорошо, — нехотя сказал он. — Если для тебя это так важно, я уберу веревки. Но без глупостей. Я буду начеку.

В этом я не сомневалась.

Бледно-золотые нити не распались в воздухе, а сияющей энергией словно втянулись обратно в вены святоши.

Я облегченно выдохнула, машинально растирая запястья.

Нет, они не затекли — Святая Ираэль милосердна даже к отступникам, помните? Просто я радовалась, что могу шевелить ими.

Это лишь иллюзия свободы. Но пока это все, что у меня было.

— Спасибо, — с усилием сказала я.

Потому что знала — делать этого Август был не обязан. Он всегда мог прикрыться правилами, уставами и регламентами, которые сопровождали служение в Ордене Чистоты.

Я бы даже решила, что он не так плох... Если бы вовремя не вспомнила, что нам предстоит жить вместе. И, увы, не на равных — как муж с женой.

Он будет надзирателем, а я — его пленницей. Я, ведьма, которая превыше всего ценит свободу, буду полностью зависима от инквизитора-святоши, глядящего на Патриарха как на второе после Ираэль божество.

Ведьма, в которой лишь недавно проснулась неведомая, но очевидно могущественная сила...

Правда, что может пойти не так?

9. Маркус де ла Торре

Сохраняя настороженное молчание, мы с Августом продолжали путь по знатному кварталу Валендора.

Улица Роз была тем местом, где даже воздух казался сладким и покрытым глазурью с позолотой. Широкая мостовая, выложенная светлым камнем, утопала в ковре из лепестков, что осыпались с плетистых роз, обвивавших чугунные фонари и кованые ограды.

Здесь не было толчеи. Лишь размеренная поступь знатных господ, шелест шелков и звонкие голоса служанок, спешащих с корзинами свежих фруктов. Дома будто сошли с гравюр — высокие, с резными фасадами, стрельчатыми окнами и балконами, увитыми виноградом. Каждый особняк здесь был историей, написанной в камне. И отцовский дом — не исключение.

Особняк Де ла Торре гордо возвышался в конце улицы, будто старинный аристократ, снисходительно взирающий на суету мира с высоты помоста. Два этажа из бледно-желтого камня, стрельчатые окна с витражами, напоминающими церковные. Однако с куда более... интересными сюжетами, отсылающими к темной магии и могуществу Ковена.

Фасад украшали горгульи. Не те, что пугают прохожих на соборах, а изящные и кажущиеся живыми, будто вот-вот сорвутся с карниза. Здесь жила магия — настоящая, древняя,

осевшая в каждом камне этого дома.

Я постучала молоточком в дубовую дверь с железными накладками в виде переплетенных змей — фамильный знак. Дыхание чуть сбилось.

За резной дубовой панелью раздался мерный скрежет засова, следом — лязг цепочки. И лишь затем передо мной возникла высокая фигура в безупречно выглаженном камзоле.

Ульрих. У него было бледное, вытянутое лицо с едва заметными складками у рта и внимательными, блестящими глазами. На мгновение в его взгляде мелькнул отголосок старого, тщательно захороненного вождения.

Отец запретил Ульриху желать меня еще тогда, когда тот не был дворецким. Бедолага, он всегда был недостаточно хорошей партией.

— Мадемуазель Де ла Торре, — произнес Ульрих, чеканя каждый слог. Голос у него был глухой, словно присыпанный пеплом. — Мы надеялись на ваше скорое возвращение.

Я переступила порог, ловя знакомый запах дома — воска, старых книг и пахнувшей грозой магии, что всегда витала в воздухе особняка.

— А как я надеялась...

Ульрих был дворецким и помощником отца. Незаменимым, как тот часто повторял. Однако когда-то он мечтал о другом. О большем.

Около дюжины лет назад Ульрих стал одним из учеников

моего отца. Я тогда была совсем малышкой, но хорошо помнила его, щедедушного мальчугана с горящими глазами. Он постоянно твердил мне, что станет величайшим некромантом Ковена.

Когда я подросла, округлилась в нужных местах и похорошела, у Ульриха появился, скажем так, дополнительный стимул постичь темную науку, которую я так ценила. Разумеется, это было до разговора с моим отцом. Ничто не способно укрыться от него.

Помню, Ульрих вышел из кабинета белый как мел. Нанесенная разговором с моим отцом травма была так сильна, что еще добрых две недели он избегал смотреть мне в глаза. И стоять со мной рядом. Потом его, слава Владычице Ночи, отпустило.

Что до его притязаний на титул величайшего некроманта... Выдающиеся способности в магии — штука капризная. Они либо есть, либо их нет. Банально, знаю. Есть еще и другие слагаемые: упорство, терпение и все остальное. А есть и то, что на ты, как колдун или ведьма, повлиять не в состоянии.

Магический резерв.

У Ульриха он оказался более чем скромнен. Простые заклинания и обряды давались ему легко и выходили безупречно. Но создать по-настоящему сложные чары ему было не суждено.

Отец мог бы выгнать его, но оставил. Сначала — из жало-

сти или в память об отце Ульриха, который был его другом. Он погиб вместе с женой и оставил сына сиротой.

Потом оказалось, что Ульрих чертовски хорош во многих других вещах, либо косвенно касающихся магии, либо не касающихся вообще. Он знал наизусть каждую страницу в прочитанном им гримуаре, запоминал каждое зелье и каждого гостя, переступающего наш порог.

Идеальный слуга и помощник темного мага.

Теперь это — вершина его притязаний.

— Ваш отец в библиотеке, — проронил Ульрих, отряхивая несуществующую пыль с моего плаща. — Он будет рад вас видеть.

Последние слова прозвучали так, будто дались ему с трудом.

Я усмехнулась.

— А ты, Ульрих? Ты рад?

Он замер. Пальцы его слегка дрогнули.

Теперь между нами всегда была эта пропасть. Мы больше не болтали так, как раньше, сидя на подоконнике в библиотеке и любуясь звездами. Да что там, он даже отказывался называть меня на “ты”.

— Конечно, мадемуазель, — ровным голосом сказал Ульрих.

Я вздохнула, так и не дождавшись новой вспышки желания. Оно бы подпитало меня, придало мне сил. Но Ульрих теперь всю смотрел на Августа.

О котором, признаться, я уже успела забыть.

— Ах да, он со мной, — буркнула я.

— Это ты со мной, — невозмутимо, но твердо поправил

Август.

Я закатила глаза, но предпочла прикусить язычок. Не хочу, чтобы он снова надел на меня эти дурацкие веревки. С него станется продемонстрировать свою власть надо мной.

Ух, терпеть не могу!

Вся моя мимолетная симпатия к Августу улетучилась.

Ульрих потянулся было к плащу святоши, но тот так стрельнул в него взглядом, что кадык Ульриха нервно дернулся.

— Зуб даю, ты даже спишь в этой твоей драгоценной мантии, — издевательски сказала я.

Ответ Августа был лаконичен:

— Скоро узнаешь.

Я вспыхнула. Не от стыда, конечно, от гнева. Стремительно развернулась, надеясь, что разлетевшиеся волосы хлестнут его по лицу. Раз я не могла раздавать инквизитору пощечины направо и налево, приходится прибегать к другим мерам.

Повернувшись, Ульрих исчез в полутьме коридора — бесшумно, как тень.

Я направилась на второй этаж, в библиотеку. Даже не стала оглядываться и проверять, идет ли Август за мной. Честно говоря, я была бы совсем не против, если бы он вдруг по-

терялся где-то по пути.

Увы, на второй этаж ступали мы вдвоем.

Библиотека встретила меня тишиной и запахом книг, знакомым мне с самого детства. Высокие дубовые стеллажи, уходящие под потолок, тяжелые фолианты в кожаном переплете, мерцающий свет хрустальных ламп — все здесь дышало спокойствием. А еще — скрытым могуществом магии, запрятанным на страницах.

Тем могуществом, которое не у каждого в руках станет остро заточенным и безжалостно разящим клинком.

Маркус де ла Торре стоял у дальних полок, перелистывая страницы древнего гримуара. Что он пытался отыскать там такого, чего еще не знал? Было ли вообще то, что ему не известно? Во всяком случае, на поле темной магии.

Статный, с прямой спиной, без единой седой пряди в густых темных волосах. Но стоило ему обернуться, и я увидела ту самую глубокую складку между бровей. Казалось, будто весь мир раз за разом умудрялся его разочаровывать.

Рубашка из черного шелка, оттененная серебристым жилетом, подчеркивала благородную осанку, а узкие, идеально отглаженные брюки завершали образ человека, для которого даже домашний уют — это своего рода церемония.

Взгляд отца лишь скользнул по моему лицу и сосредоточился на инквизиторе за моей спиной.

Обернувшись, я горячо зашептала:

— Мы можем ненадолго остаться с отцом наедине? По-

жалуиста. Я хочу... попрощаться.

Я вложила во взгляд и голос столько мольбы, сколько позволила моя гордость.

— Пожалуйста. Ты ведь знаешь, что мне не сбежать отсюда.

Темные глаза Августа пронзали меня. Изучали каждую черточку. Сам он как будто задавался вопросом, стоит ли доверять мне, ведьме.

Повернувшись к двери библиотеки, он коснулся стены. Склонив голову, что-то зашептал. Когда он отнял ладонь, на стене осталась едва заметная, сияющая метка в виде четкого отпечатка его руки.

— Теперь нет.

Отцу это явно не понравилось. Светлая магия в доме колдуна? Ладно целительная, но... эта? Однако он, вопреки обыкновению, ничего не сказал. Как и я, понимал, что нам нужно поговорить без посторонних.

Август вышел за дверь. Я закрыла ее, надеясь, что его способности — и, главное, принципы — не позволят ему подслушивать. Нет, церковь действует тоньше. Во всяком случае, Орден Чистоты.

Никому и ни за что в этом не признаюсь... но прежде чем повернуться к отцу, я помедлила. Один удар сердца, два, три... пора.

Во мне вдруг проснулась маленькая девочка, которая до ужаса боялась разочаровать и разгневать отца. Единственно-

го близкого ей человека. Теперь единственного.

Наши взгляды встретились.

— Ну что, моя маленькая катастрофа, — проронил отец, резко захлопывая книгу. Голос ровный, но в нем уже змеилось раздражение. — Ты хотя бы представляешь, какого дьявола натворила?

10. Вызов

Резкие слова отца заставили меня на миг съежиться, но я тут же выпрямила спину.

Де ла Торре не склоняют голов. Даже перед теми, кто сильнее. Даже перед собственными отцами, весьма опасными в своей ярости.

— Тебя, как пленницу и преступницу, привел сюда инквизитор. Какой позор!

— Ритуал был верным! — воскликнула я, защищаясь. — Просто... что-то пошло не так.

— Не так? — Он медленно подошел ближе. — Ты подняла из мертвых половину кладбища... что, в общем-то, само по себе неплохо. Особенно для тебя.

Я не позволила этим словам проникнуть глубоко в мою душу, отравить меня, разесть мою броню едкой кислотой. Никто больше не ранит меня намеками — или прямыми словами — о том, что я почти беспомощна, как ведьма.

— Но ты была так небрежна, что попала в лапы Ордена Чистоты! Так грубо и нарочито нарушила правила! Заставила их сомневаться в законопослушности и праведности рода Де ла Торре! Ты же знаешь, как важно для Ковена поддерживать хорошие отношения с церковью.

Иллюзию хороших отношений, ты хотел сказать? Но вслух говорить это я, конечно же, не стала.

— Отец, да послушай же меня! Там, на кладбище, кое-что произошло.

Его взгляд стал еще на пару градусов холоднее. Еще немного, и даже камин меня не спасет. Я попросту превращусь в ледышку.

— Я точно знаю, что там произошло, — отчеканил он. — Именно мне пришлось исправлять последствия.

Я крепко сжала зубы и досчитала до пятнадцати. Десяти бы не хватило.

— Тебя не удивило то, как мне, девушке, удалось поднять так много мертвых?

Складка меж бровей стала глубже.

— Разумеется, я об этом размышлял.

— И?

Времени у нас было не так много, но я должна была услышать мнение отца. Он гораздо больше меня сведущ... да, собственно, во всем.

— Одна из моих теорий — ты все же унаследовала силу по линии матери. А значит, в роду Элизабет были ведьмы.

Что мама, впрочем, отрицала всю свою жизнь.

— Вторая — что в тебе оказался скрытый резерв.

Тогда я — одна из тех магов-“аномалий”, чья сила не зависит от прямого наследования.

Источник силы таких волшебников, колдунов и ведьм никто толком не понимал. Светлые чаще всего видели в этом некую божественность, то есть замысел высших сил. Темные

пытались найти ответ в хитросплетениях теоретической магии, но особых успехов не добились.

Заманчивая перспектива...

— Отец, на кладбище произошло еще кое-что. Я... Мне показалось, что там, со мной, была Владычица Ночь.

Мой голос звучал не так уверенно, как мне бы хотелось. Неудивительно — с той ночи прошло достаточно времени и событий, чтобы воспоминания о ней подернулись туманной дымкой. Тогда присутствие темной богини казалось таким реальным, но теперь...

Это как проснуться после красочного сна и отчетливо осознать, что логика туда даже не заглядывала. И не важно, каким достоверным он казался тебе, пока ты спал.

Отец хмыкнул — не снисходительно, скорей неверяще.

— С чего ты решила, что это была Владычица Ночь? Она никогда не беседовала с нами, простыми смертными.

— Знаю, но...

— Ты видела ее?

Даже на картинах, рисунках и гравюрах Владычица Ночь чаще всего изображалась в темном балахоне с капюшоном, полностью прикрывающим лицо. Или женственной фигурой, окутанной тенями, словно черным саваном.

— Нет, но...

— Тогда с чего ты решила, что это Владычица Ночь? — с нажимом повторил отец.

Я понуро опустила голову, начисто забыв наказ, который

лишь недавно повторяла.

— Я не знаю.

— Если я, будучи верным адептом Владычицы Ночи на протяжении десятилетий, никогда не слышал ее шепота... Как его могла услышать ты?

Прямо скажем, высокомерие и заносчивость — наша семейная черта. Только мама была другой, но нас с отцом эти (и многие другие) черты объединяли.

Однако признавать за собой нечто подобное — это одно. Услышать пренебрежение в голосе отца по отношению к себе — совершенно другое.

Он до сих пор не верил в меня. Но могла ли я его винить? Я ведь все, абсолютно все провалила. Я могла доказать свою значимость и привести поднятого мной мертвеца к порогу отчего дома, не угодив в неприятности с головой... А что в итоге?

— Возможно, я ошиблась.

Ненавижу признавать такое за собой. Но я успела пожалеть о том, что заговорила о Владычице Ночи.

Отец покачал головой.

— Ты слишком тщеславна, Мелисента. Твое отчаянное желание стать частью Ковена играет с тобой злую шутку. Тебе не стоит привлекать к себе внимание подобными разговорами.

— Но разве не здорово то, что во мне оказалась такая сила, которая позволила мне пробудить половину кладбища?

— усилием воли возвращая голосу твердость и уверенность, спросила я.

Отец смерил меня строгим взглядом.

— Талант хирурга заключается не в том, чтобы рубить направо и налево, подражая мяснику. Он должен действовать тоньше.

Я нахмурилась.

— Знаю, все вышло не так гладко, но... Я ведь доказала, что во мне есть темная сила. Неужели я все еще недостойна того, чтобы стать полноправным членом Ковена?

— Ты же знаешь, Мелисента, это не мне решать.

Но при желании он мог воздействовать на других. Я не про магию, конечно, ведь такого рода чары строжайше запрещены. Я про убеждение.

Отец умел убеждать.

Я решила подумать об этом после. Раз ему так важно взаимопонимание между темными и светлыми магами, я могу даже извлечь пользу из моей помощи Патриарху. К слову о ней...

— Есть еще кое-что.

Отец вздохнул и чуть утомленно взглянул на меня сверху вниз. Будто бы спрашивая: “Что ты еще натворила?”

Владычица Ночи свидетель, как мне не хотелось говорить об этом. Но утаивать информацию от Маркуса де ла Торре — себе дороже.

— Патриарх в качестве искупления моей вины вынудил

меня помогать Ордену Чистоты с каким-то делом. В детали меня никто не посвящает. И еще Август... тот инквизитор... теперь приставлен ко мне в качестве надзирателя. Так что мне придется жить в его доме.

Отец на несколько мгновений замер, размышляя. Затем шагнул ко мне. Приподнял пальцами мой подбородок и поймал мой взгляд.

— Они вынуждают тебя... Пусть так. Но ты можешь доказать, что ничто над тобой не властно.

— Как?

— Перехватив ту самую власть. Де ла Торре никогда не бывают жертвами. Даже если обстоятельства складываются против нас — мы ломаем их под себя. — Он отпустил меня и чуть отступил. — Если кто-то решил впустить волка в свое стадо, пусть потом не удивляется, что он станет вожаком.

Я уже слышала эти слова прежде. Вот в чем заключалась “дружба” Ковена с Конклавом, сообществом светлых магов, куда входили и церковники.

Затесаться среди них. Подавить. Завоевать.

Однако в голосе отца сейчас звучало нечто большее, чем просто наставление. Это был вызов. В первую очередь — лично мне.

Я с готовностью кивнула.

— Я не подведу тебя, отец.

11. Шаг в новую жизнь

Сборы заняли больше времени, чем ожидалось.

Я сложила в дорожные сундуки шелковые сорочки, флаконы с духами, пузырьки с ароматическими маслами, душистое мыло, притирания для кожи. И, конечно, средства для макияжа: помада и сурьма для придания губам темно-вишневого оттенка, подводка из разведенной в масле сажи для выразительных глаз и ресниц, от природы раздражающе белесых.

Без всего этого я не могла представить ни одного своего утра.

Белилами я не пользовалась — собственная кожа была идеально фарфоровой. Во многом благодаря тому, что днем меня было тяжело застать на улицах Валендора.

Ох как выводил из себя мой вид светлых волшебниц, этих чопорных любительниц скучной естественности и бледных молей! Одна из причин, по которой я всей своей душой была предана темной магической школе. Ее представители — и, в особенности, представительницы — не чурались некой драматичности и театральности.

Ладно, насчет причин я шучу. Но лишь отчасти.

Уверена, что даже если бы у меня в отцах не было имени-того колдуна, я бы все равно, рано или поздно, сделала выбор в сторону темного магического искусства. Оно отзывав-

лось во мне с самого моего детства.

Молчаливый Ульрих бережно упаковал мои любимые платья, каждое из которых стоило годового жалования церковного служки. Когда он в очередной раз понес вещи к фамильному экипажу, Август скривился, словно от зубной боли.

— Тебе действительно все это необходимо? — спросил он, глядя на третий по счету сундук.

Я вздохнула, думая о том, как много милых сердцу вещей мне пришлось оставить. Однако в новом доме — или правильнее сказать новой тюрьме — я хотела создать хотя бы слабую видимость привычного комфорта.

И вообще, чем больше раздражающих элементов мне удастся привнести в жизнь святоши Августа, тем лучше.

Наконец все вещи были собраны и погружены в карету. Я застыла рядом с открытой Ульрихом дверцей и смотрела на отца.

Не помню, когда последний раз я его обнимала. Обнимала ли вообще с тех пор, как мне стукнуло лет восемь?

Но сейчас я едва удержалась от того, чтобы не рвануть вперед и не уткнуться лицом ему в грудь. Останавливало строгое выражение на лице отца, а еще... Август. В его присутствии не могу позволить себе даже мгновение слабости.

Так что я лишь выдавила скомканные слова прощания и поднялась в карету. Август — следом.

Вскоре мы уже покидали Улицу Роз.

Церковный квартал встретил нас строгостью и тишиной. Широкие, но пустынные улицы, вымощенные серым камнем, небольшие открытые алтари с горящими свечами у перекрестков, статуя Святой Ираэль с мечом из света в руках, взирающая на прохожих с холодным милосердием.

Ни тебе шумных рынков, ни ярких вывесок — только ровные ряды скромных двухэтажных домов, принадлежавших служителям церкви.

Дом Августа оказался одним из них — неприметным, как монашеская ряса. Узкий фасад, крохотный палисадник с лекарственными травами вместо цветов, тяжелая дубовая дверь без излишеств.

Внутри меня ждало еще более печальное зрелище.

Прихожая, в которой с трудом помещались двое, деревянная лестница на второй этаж, крохотная гостиная с камином и жестким диваном. Я медленно обвела взглядом это царство аскезы.

Да здесь не поместится и половины моих вещей!

Август, наблюдавший за моей реакцией, скрестил руки на груди.

— Привыкай.

Я усмехнулась, с вызовом глядя на него.

— О, я уже придумала, где разместить свой будуар.

Разумеется, здесь не было и намека на гостевую комнату. Спальня — только одна.

— И где ты будешь спать? — осведомилась я, охваченная

странным чувством.

Я отказываюсь считать его волнением. С чего бы мне волноваться в присутствии надменного святоши и от мыслей о том, что нам придется ночевать вместе?

Замешательство на лице Августа задержалось лишь на пару мгновений, но не укрылось от меня. Этот умник и не думал об этом!

— Я лично здесь, — торопливо проговорила я, энергично усаживаясь на его кровать.

У меня, безусловно, есть гордость. А у нее — свой предел. Август, кажется, подавил вздох. С непроницаемым видом — вот ведь притворщик! — сказал:

— На полу.

Вот и отлично.

— С этим разобрались. А теперь...

— Что еще?

Он все-таки вздохнул. А в голосе звучала такая снисходительность, будто он имел дело с капризным, избалованным ребенком.

— Я хочу увидаться с Адаль, моей подругой.

Она, наверное, уже с ума сходит от беспокойства из-за всех этих слухов обо мне, курсирующих по Валендору.

— У меня другие планы.

Я поморщилась.

— Мне все равно на твои планы. МНЕ нужно увидаться с Адаль.

Август с раздражающим высокомерием смотрел на меня сверху вниз.

— Особой сообразительностью ты не отличаешься, да? Поэтому компенсируешь это вызывающими нарядами и макияжем?

Мои пальцы стиснули одеяло на кровати так, что оно грозило распасться на волокна. Ах ты...

— Я — твой надзиратель, — припечатал Август. — Ты и шага не сделаешь без меня. Ты не покинешь этот дом без меня. И покинешь ты его лишь в том случае, когда это нужно будет мне.

Значит, это и правда тюрьма.

Я порывисто поднялась. Шагнула вперед, внутренне закипая. Наступала на него, пока между нами почти не осталось воздуха. Правда, к моей досаде, для этого пришлось подняться на носочки. Зато мои глаза оказались лишь чуть ниже его глаз.

Они вспыхнули. Я кожей чувствовала желание Августа отстраниться, отступить. Мы были слишком близко друг от друга. Непозволительно близко.

Каким-то чудом он все-таки сдержался. А вот я сдерживаться не стала.

— Ты правда настолько туп, чтобы злить темную ведьму? Вот что я тебе скажу, святоша...

— Не называй меня так.

Я его не слышала. Ярость кипела внутри меня, окрашивая

мир вокруг в ярко-алый.

Я подалась еще ближе. Его кадык дернулся. Мои губы почти касались его губ — их разделяло расстояние меньше моего ногтя. Август приоткрыл их, явно собираясь что-то сказать. Приказать мне держаться от него подальше?

Но прежде, чем с его приоткрытых губ сорвался хоть один звук, я выдохнула прямо в них:

— Я превращу твою жизнь в ад.

12. Ночь с врагом

С исполнением угрозы — превращением жизни Августа в ад — пришлось немного повременить.

Во-первых, я была ужасно голодна, потому не стала отказываться, когда святоша хмуро предложил мне поесть. Едой это, конечно, назвать было трудно — какая-то каша (я с роду не ела каш!), ломоть хлеба и сыра. Сам Август есть не стал.

Во-вторых, день был долгим, и я жутко устала. После скудного ужина, который прошел в раскаленном от напряжения молчании, я растянулась на кровати, мечтая лишь о том, чтобы уснуть. Но для начала мне нужно было переодеться. И принять ванну. И...

Дальнейшие мысли уплыли куда-то в сторону, потому что Август, подчеркнуто повернувшись ко мне спиной, тоже принялся готовиться ко сну. Снял плащ и аккуратно повесил на спинку кресла. Принялся расстегивать строгий мундир. С глухим шорохом тот лег поверх плаща.

Я наблюдала за этим со всевозрастающим интересом. Тот достиг пика, когда на Августе осталась лишь рубашка. Но и она не задержалась на его теле, обнажая спину, будто высеченную из светлого мрамора. Я невольно задержала дыхание.

Мышцы играли под кожей при каждом движении, пока Август расстегивал рубашку. Я определенно не ошиблась —

тренировки святошам были не чужды. А что такое? Не рискуете всецело полагаться на свою веру? Боитесь, что, когда станет особенно жарко, Святая Ираэль вас не спасет?

Ох, за такие мысли Патриарх мгновенно отправил бы меня на очистительный костер. Тем приятнее было прокручивать их в голове. Надо будет как-нибудь при случае озвучить их Августу. И с удовольствием понаблюдать, как он выходит из себя, разбивая драгоценный контроль в щепки.

Я снова взглянула на святошу, и усмешка на моих губах замерла. Комната внезапно стала тесной и жаркой. Мой взгляд скользнул по широким плечам с едва заметными в полумраке шрамами от старых сражений. По крепкой спине с аккуратно прорисованными мышцами, переходящей в узкую талию и бедра.

Мои пальцы снова непроизвольно впились в одеяло. Я прикусила губу, ощущая, как по спине пробежал предательский жар.

Должно быть, я слишком шумно выдохнула, потому что Август повернулся. Не всем телом — лишь головой, словно филин. Медленно моргнул, еще больше усиливая сходство с птицей.

— Ты смотришь, — мертвенно спокойным голосом сказал он.

Не спокойным даже — остекленевшим, как человек, находящийся в состоянии шока.

Он что, надеялся на мое... что это, по его мнению, благо-

разумие? Стеснение? Скромность?

Наивный святоша.

— Смотрю, — не стала спорить я. Выставила вперед руку с поднятым указательным пальцем. — Но так делать можно только мне!

Как-никак, мне и самой скоро раздеваться.

— Я не собирался на тебя смотреть!

Краска начала заливать его шею, поднимаясь к лицу и, к моему удовольствию, особенно концентрируясь на ушах. С этими красными ушками Август выглядел даже... забавно. И уж точно не так высокомерно, надменно и чопорно, как обычно. В такие моменты он был почти... терпимым.

— Конечно. Как скажешь.

— Я не... — пылко начал он. Прикрыл глаза, явно силясь вернуть себе прежнее хладнокровие. — Ты планируешь и дальше смотреть на меня, или у тебя есть более полезное занятие?

— Просто удивляюсь, как ваша целомудренная Ираэль умудрилась впихнуть столько высокомерия и ханжества в такое... пристойное тело.

Я не собиралась говорить ему комплименты. Однако это тело было более, чем пристойным. Почти восхитительным. Один вопрос: почему Август так упорно продолжал стоять ко мне спиной? Я бы не отказалась взглянуть на него со всех сторон.

Ноздри святоши раздулись в гневе и даже в некоем... недо-

верии. Жаль только, краснеть он перестал. Запахнул рубашку, торопливо застегнул и, подхватив что-то со стула, вышел из комнаты.

Я пожала плечами. Зато теперь я могу спокойно переодеться.

Великая Владычица Ночи, с каким наслаждением я избавилась от платья! Набросила на плечи длинный, свободный халат из тонкого льна и, не спрашивая разрешения, направилась в ванную.

Она оказалась крошечной, как исповедальня, и столь же аскетичной, как весь остальной дом.

Узкая медная ванна, больше похожая на корыто для стирки, стояла в углу на деревянном поддоне — чтобы вода не портила пол. Вместо зеркала — полированный стальной круг, искажающий черты. Он будто намекал мне: “Ты здесь не хозяйка и даже не гостя, ты — пленница”.

Я поморщилась. Пусть Август не удивляется, однажды обнаружив это зеркало разбитым на крошечные осколки.

На полке лежал кусок грубого мыла с запахом сосновой смолы. Рядом — глиняный кувшин для омовений. Ни позолоты, ни изящных флаконов, ни даже коврика под ноги — только голые доски и жесткое полотенце из небеленого льна.

Единственная деталь, выдававшая в этом человеке не аскета, а живого мужчину — пятно на стене, где когда-то висел крюк для бритвы. Теперь там остался лишь след от гвоздя, будто Август и эту слабость — потребность в остром лезвии

у горла — вырвал с корнем.

Я провела пальцем по краю ванны. Холодный, как этот проклятый святоша, металл. Неудобный, неуступчивый, но прочный.

Хорошо хоть, кипяток здесь не считается грехом.

Несколько минут спустя я уже нежилась в горячей воде. Чтобы отмыться от себя пыль и грязь после пребывания в темнице, пришлось ограничиться ужасным мылом. За эти пару часов в доме Августа я успела разобрать лишь часть одного сундука и взять принадлежности для сна. До остального мне еще предстояло добраться.

Едва я хоть немного расслабилась, раздался стук.

— Ты скоро? — хмуро спросил Август. Буркнул себе под нос: — Поверить не могу, что мне приходится стучать в собственную дверь.

Усмехнувшись, я вернула ему сказанную недавно фразу: — Привыкай!

Неохотно выбралась из ванны. Я бы еще немного помучила Августа ожиданием, да вот только сама ужасно хотела спать. Морщась, вытерла нежную кожу жестким полотенцем и бросила его на пол.

Я пленница, но не служанка.

В спальне Августа не было. Я сменила халат на ночную сорочку — тонкую, как паутина, слишком холодную для разгоряченной кожи и напоминающую о доме, где подобная роскошь была обыденностью.

Я успела не только юркнуть под одеяло, но и задремать. Дверь скрипнула, и на пороге возник Август, сжимающий в руках одеяло.

Его взгляд подчеркнуто скользнул мимо меня, будто я была всего лишь частью мебели. На нем была грубая и неприметная льняная рубаша и такие же штаны. Он молча разложил свою жесткую постель на полу и устроился там.

Тьма сгустилась за окнами, наверняка зачарованными Августом на случай попытки побега. Но сон не шел. Я лежала на узкой кровати, прислушиваясь к ровному дыханию Августа и покусывая губы. Он был так близко, что, протяни я руку, пальцы коснулись бы его плеча.

Я нахмурилась. С чего бы мне его касаться?!

Не буду скрывать, мне уже доводилось делить ложе с мужчинами. Среди темных ведьм и колдунов царили куда более свободными нравы. Мы не цеплялись за жеманные условности, как наши чопорные светлые братья и сестры.

Но тогда это был выбор, который имел определенные — и весьма приятные — последствия. Переплетенные пальцы, горячие губы на шее, утренний флирт... А теперь?

Я в одной комнате с врагом. Собственным надзирателем. Человеком, который видит во мне угрозу. Надо сказать, не зря.

— Ты ворочаешься, как одержимая. — — Еще немного, и я заподозрю, что мне придется изгонять из тебя какую-нибудь нечисть.

Я усмехнулась, поворачиваясь в его сторону. Даже в темноте я чувствовала его напряжение.

— Удивительно. Я думала, святоши вроде тебя спят сладко и крепко, как младенцы.

— Обычно да. Мне не о чем тревожиться.

Я фыркнула.

— Ну еще бы. О чем тревожиться, если твоя невероятно скучная жизнь расписана на года вперед? Так что беспокоит тебя сегодня, раз ты не спишь?

Август молчал. Так долго, что мои веки начали тяжелеть и закрываться. Я тоже не страдала мыслями, которые лишали меня сна. Даже если засыпала при этом рядом с незнакомцем.

Умение приспосабливаться — одно из множества моих неоспоримых достоинств.

В тот момент, когда я уже всерьез намеревалась уснуть, голос Августа донесся из темноты, резкий и ясный, будто удар колокола.

— Меня беспокоит то, что завтрашний день может изменить все.

13. Горькая месть

Утро встретило меня бледным светом, пробивающимся сквозь узкое окно. И находилось оно, подумать только, в доме инквизитора!

Пробуждение вышло не из простых.

Начать с того, что я ворочалась полночи в жутко неудобной постели инквизитора. Часть этого времени лежала без движения, уставившись в потолок и обдумывая свое положение. Часть — прислушиваясь к дыханию Августа. Проклятый святоша даже дышал едва слышно. Я никак не могла понять, спит ли он.

Может, и его мучила бессонница?

Так это или нет, но он никак не реагировал на мои расспросы. И никак не объяснил свои загадочные слова. “Завтрашний день может изменить все”...

Что это вообще должно значить? Судя по всему, нам предстояло приступить к тому самому загадочному делу, порученному Августу Патриархом. Точнее, поручено оно было нам обоим, вот только в детали меня никто не посвятил.

Но это не объясняло той монументальности и даже фатальности, которая сквозила в словах Августа. Что же, все-таки, требовалось от нас двоих? И, в частности, от меня?

Что ж, скоро я это узнаю.

А пока... Окончательно проснувшись, я огляделась. Ав-

густ еще спал — на этот раз наверняка. Его лицо выглядело таким спокойным и ничуть не надменным... Ангельским назвать его, конечно, тяжело. Слишком резкие, мужественные черты делали Августа почти полной противоположностью смазливому и утонченному херувима с иллюстраций различных церковных и околоцерковных книг.

Я поймала себя на том, что люблюсь его чертами. Тряхнула головой, возвращая мысли в правильное русло. Прикрыла глаза и прислушалась к себе. Внутри затрепетало волнение.

Магический кокон, лишаящий меня возможности призывать магию, был ослаблен.

Ничего удивительного — наложив его однажды, Август не подпитывал его. Теперь в “коконе тишины” появились тонкие, с волосок, бреши. Через них я могла вытянуть немного магической силы. На серьезное заклинание ее не хватит, но...

Август определенно усилит кокон, когда полностью проснется, но пока я могу этим воспользоваться. Не сбежать — на данном этапе я наврежу этим и себе, и отцу. Но хотя бы подготовить пути к отступлению.

Ведь кто знает, чего мой личный святоша и главный святоша всего Валендора хотят от меня?

Открыв глаза, я обнаружила, что Август в упор смотрит на меня.

Вот же зараза! Он что теперь, и мысли мои читает?

Я заставила себя широко улыбнуться.

— Доброе утро, милый. Что на завтрак?

Он поднялся со своего ложа. Если уж я спала как на иголках, не представляю, как мучительно ему было спать на тонком одеяле и твердом полу. Вот и прекрасно!

— Я надеялся, что все это сон, — обронил Август по пути в ванную.

— А уж я как надеялась... Но насчет завтрака я спрашивала серьезно! — крикнула я ему вслед. — Умираю с голода!

— Ты же ведьма, — донеслось до меня из-за закрывшейся двери. — Привыкла, наверное, варить свои злодейские отвары. Вот и приготовь что-нибудь. Или ты только хаос можешь наводить?

Я сощурилась. Ох зря ты это сказал. Зря своим абсолютно не джентльменским поведением ты подал мне идею.

Но для начала... Кто же мстит в грязном платье? Сосредоточившись, я призвала простейшие базовые чары. Одни из тех, что были знакомы как темным, так и светлым магам. Привлекла извне частицы воды и насытила их отголосками земной стихии — запахом луга, улицы после дождя и цветочного сада. Оросила все платье (и себя заодно, раз Август торчал в ванной) душистыми каплями, а затем высушила их призванным ветром.

Столь простейшие чары, которые в любое другое время я воспринимала бы исключительно как разминку, почти истощили меня. Проклятый “кокон тишины”... Вытягивать магию сквозь него было так же непросто, как носить воду в ре-

шете.

Довольная результатом, я натянула платье. И только теперь отправилась на кухню.

Она полностью соответствовала моим ожиданиям и была скромной и крошечной, как монашеская келья. Деревянный стол с вытертой столешницей, кувшин для воды, несколько пучков сушеных трав, подвешенных под потолком. В углу — очаг с чугунным котелком, черным от копоти.

Ни изящных фарфоровых чашек, ни серебряных ложек — только грубая деревянная посуда и... остро наточенный нож.

Я задумчиво взглянула на него. И Август не боится оставлять меня с этим? Неужели безоговорочно верит, что вера и магия его защитят? Или догадывался, что темные ведьмы, даже плененные, действуют тоньше?

Отмахнувшись от этих мыслей, я сосредоточилась на еде. Отыскала мешочек овсяной крупы и глиняный горшок с медом — единственную сладость в этом царстве аскезы.

Раздувать огонь пришлось вручную — какое унижение для ведьмы! — но вскоре вода в котелке закипела. Я всыпала крупу, помешивая деревянной ложкой, и добавила щепотку соли. Запах был... приемлемым, если закрыть глаза и представить, что это миндальный крем из моего дома.

Когда каша загустела, я долила немного молока (на удивление, свежего — видимо, Август не гнушался мирских радостей) и капнула меда. В уже готовую кашу добавила масло из его запасов. Вышло не так уж плохо.

Да я просто мастерица на все руки!

Однако я не собиралась выуживать из святоши комплименты. Сдались они мне, особенно в его исполнении! Пока он в гостиной молился Ираэль (подглядела через приоткрытую дверь), я слопала половину добрую треть котелка. Силы мне еще понадобятся.

Август вошел в кухню, и я сделала вид, что только пробую свою стряпню.

— Не ожидал, что ты умеешь готовить без магии.

Я лениво подняла на него взгляд.

— А я не ожидала, что инквизиторы едят что-то, кроме святого духа и праведного гнева.

Он фыркнул и направился к котлу.

Пришел мой звездный час. Сфокусировавшись еще тщательнее, чем прежде, я направила на котелок чары порчи. Эти чары вызывали разрушительные процессы в живых и неживых объектах — гниение, проказу, разложение.

Не спрашивайте, зачем ведьмам учить своих детей подобным заклинаниям. Для защиты от недругов, конечно, для чего же еще?

Август взял из моих рук ложку и склонился над котелком. Я от предвкушения привстала на цыпочки и высунула кончик языка. Святоша зачерпнул кашу, отправил ее в рот под моим выжидающим взглядом...

И спокойно прожевал. А потом и вовсе нырнул ложкой в котел за новой порцией.

Чем дольше он ел, тем больше я хмурилась. Я что, провалила простейшие чары?! Как... Как это возможно? Моя магия слабеет? Или Август незаметно для меня укрепил магический барьер?

Я бросилась к котелку. Отпихнула святошу плечом (я не джентльмен, а ведьма, мне можно) и вырвала из его рук ложку. Набрала с горкой каши, отправила в рот...

И выплюнула ее на пол.

— Что-то не так? — поинтересовался Август.

Вот ведь зараза! Да как вообще можно было есть эту тухлятину, даже не поморщившись?

Да-да, знаю, сносить страдания молча... но это?! Чему их там учат?

Август склонил голову набок, изучая меня. Ненавижу эту его привычку. Все в нем ненавижу!

— Ты кажешься расстроенной.

— Дай воды, — простила я.

Вкус гнили во рту был просто невыносим.

Посмеиваясь, Август налил в кружку воды из кувшина и протянул мне. Я выпила ее до дна, но даже тогда мне не удалось полностью избавиться от отвратительного привкуса испорченной мною же каши.

Я мрачно смотрела на Августа, он с еще более отвратительной усмешкой — на меня.

— Кажется, пора обновить “кокон тишины”, пока ты не натворила очередную глупость.

Молодец, Мелисента... Вместо подготовки путей отступления потратила драгоценную магию на то, чтобы освежиться... и на попытку отомстить проклятому святошу. Неудачную попытку!

Меня окутало знакомое ощущение магии, запирающей мою собственную внутри.

— Так-то лучше, — с удовлетворением проговорил Август.

— Гордишься собой, да?

— Есть немного, — пожал он плечами.

Он выпил воду только сейчас, и то обошелся лишь парой глотков. Он каменный? Совершенно бесчувственный, как какая-нибудь гранитная скала? Ух, зла на него не хватает!

— Ладно, а теперь что? — буркнула я.

Август сосредоточил на мне взгляд серо-голубых глаз. Сейчас, в солнечном свете, льющемся через окно, более голубых и ярких, чем обычно.

— А теперь мне нужно отлучиться. А на закате ты поднимешь для меня мертвеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.